

К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

С. Д. АЛЛАХВЕРДЯН

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных дискутируемой в литературе ценностной проблематике, понятие ценности в его социологическом аспекте, определение роли этого понятия в социологической науке остаются наименее изученными¹. В большинстве случаев исследователи ограничиваются, как это показывают критические обзоры², рассмотрением лишь историко-философского либо философского аспекта ценности, хотя последняя в качестве понятия именно в социологии обрела реальное, эмпирическое содержание, по характеру весьма далекое от трансцендентальности традиционной аксиологии. Поэтому задача более четкого определения статуса ценности в современной социологии приобретает актуальное значение.

Известно, что с начала нынешнего столетия в силу определенных исторических тенденций развития буржуазной социологии ее категориальный аппарат стал претерпевать некоторую эволюцию. Этот процесс сопровождался не только выдвижением на первый план новых, эмпирических по своей сущности понятий, но и повторявшимися неоднократно попытками наполнить новым содержанием старые, достаточно традиционные понятия и представления, которые теперь уже изучались с помощью «объективных» (и в том числе количественных) методов, без каких-либо имплицитных метафизических наслоений.

Весьма характерна в этом плане эволюция понятия ценности, в значительной мере утратившего связь со своим старым, аксиологическим содержанием и рассматриваемого в новых условиях на уровне норм социальной жизни, доступных объективному исследованию и даже измерению.

Процесс «возрождения» ценности в современной социологии протекал вопреки негативному отношению со стороны достаточно влиятельно-

¹ Исключение составляют публикации И. М. Поповой, которая затрагивает проблему с точки зрения методологии системного анализа — «Системный подход в социологии и проблема ценности» («Вопросы философии», 1968, № 5); В. В. Гречаного, давшего беглый набросок семантического и социологического аспектов ценности — «О понятии положительной и отрицательной ценности» («Социологические проблемы семьи и молодежи», Л., 1972), а также Т. Б. Любимовой — «Понятие ценности в буржуазной социологии» («Социальные исследования», вып. 5, М., 1970). На некоторые аспекты рассмотрения ценностей в буржуазной социологии указал О. Г. Дробницкий — «Наука и ценности» («Философские науки», 1973, № 4).

² И. С. Нарский, Диалектическое противоречие и логика познания, М., 1969, гл. IV; В. П. Тугаринов, Теория ценностей в марксизме, Л., 1969.

го круга социологов неопозитивистской ориентации, таких как Г. Ландберг, Ф. Адлер и др.³. Симптоматично, что известный своей крайней ортодоксальностью социолог-неопозитивист Г. Ландберг призывал даже к тому, чтобы исключить из социологии субъективную сферу, составляющую содержание и смысл человеческих целей, стремлений, установок. Одним словом все то, что может быть как-то связано с понятием ценности в жизни. Ландберг решительно против допущения в социальных явлениях «чего-то уникального и мистического, называемого мотивом»⁴. Апеллирование к такого рода категориям, по его мнению, равносильно поискам флогистона в социальной науке и не согласуемо с объективными научными методами исследования⁵.

Тем не менее подобные негации не могли служить препятствием к тому, чтобы были предприняты попытки примирить и сочетать объективный (преимущественно «дескриптивный») подход новой социологии с использованием понятия ценности. Вместо морализующего пафоса проповедуемых идеалов утвердилось «бесстрастное» эмпирическое исследование функционирования системы ценностных норм в социальной жизни. Именно в этом и состояло, как полагают некоторые американские социологи, отличие новейшей социологии от социологии Сен-Симона или Конта, которые «вместо изучения возникновения ценностей проповедовали их»⁶. По мнению этих же авторов, вера в то, что ценности могут быть определены социологами, как и более древняя вера в то, что они даны богом, в сущности выражала не что иное, как отход исследователей от изучения способов, какими люди действительно создают и используют свои ценностные представления.

Социальные антропологи, отмечая недостатки традиционного философского подхода к ценностям, проявлявшиеся, в частности, и в отсутствии концептуальных средств, соответствующих новой ориентации социальной науки и психологии, в свою очередь подчеркивали необходимость изучения ценностей, рассматриваемых, однако, как это и следовало ожидать, в качестве динамических элементов культуры, и в качестве средств для этого указывали на объективные научные методы⁷.

³ «Социологам-интерпретаторам понятие ценности нужно для специальной цели,— писал Ф. Адлер,— так как они хотя и в умственном поведении открыты сущности, при помощи которых они могут объяснять и понимать, а не просто «описывать» поведение. Это ощущение квазиэстетического удовлетворения является конечной целью интерпретативной социологии» (цит. по кн. Г. Беккера и А. Боскова — Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии, М., 1961, стр. 121).

⁴ G. Landberg, *Can Science Save Us?*, N. Y., 1947, p. 18.

⁵ Крайним выражением точки зрения социального бихевиоризма являются и некоторые последние тенденции психологической кибернетики. Их представители полагают, что передача ряда человеческих функций машинам могла бы принести освобождение от ряда утомительных, в том числе и ценностных проблем. Критические замечания по этому поводу даны в кн. T. S. Simey, *Social Science and Social Purpose*, L., 1967.

⁶ A. Gouldner and H. Gouldner, *Modern Sociology*, L., 1963, p. 107.

⁷ «Никто из больших философских авторитетов по ценности не был хорошо знаком

Сплачивающей силой, объединившей различные направления, стремившиеся исследовать действительное функционирование выявляемых в анализе ценностей, явилось отнесение последних к области нормативного. «Почти все, написанное о ценностях, представляющее интерес для социолога, относится к природе и функции нормативных правил», — пишет У. Л. Колб. Это убеждение заставляет его верить, что исследователи самых различных направлений, будь то реалисты или номиналисты, волонтаристы или позитивисты, исходят ли они из позиций историка-теоретика или функционального теоретика — все они одинаково «имеют дело с нормами и ценностями или в качестве способов объяснения, или же в качестве вещей, требующих объяснения»⁶.

Изучение формирования и функционирования ценностей в связи с нормами и установками личности и группы составляет как бы первую важнейшую область социологического исследования ценностей, удельный вес которой в общей проблематике современной буржуазной социологии достаточно велик. Вторую, «собственно социологическую» сферу ценностной проблематики составляют вопросы, связанные с ценностной ориентацией в самой науке. Наличие этой второй сферы свидетельствует в пользу того, что мы можем, очевидно, говорить и о двух, достаточно четко фиксируемых социальным знанием уровнях в ценностной проблематике, правомерно рассматривая образование ценностных компонентов на уровне научного знания как качественно более высокую ступень отражения ценностных регулятивов той или иной, взятой в целом социальной системы.

Несмотря на отмечаемую в приведенном выше высказывании У. Л. Колба «универсальность» ценностно-нормативного подхода, последний в западной социологии стал в основном монополией эмпирической линии, идущей от той интерпретации ценности-установки, которая утвердилась в американской социологии благодаря работам У. Томаса и Ф. Знанецкого. Ценность определяется ими как данность (и притом доступная членам некоторой социальной группы), эмпирическое содержание и смысл которой являются или могут являться объектом деятельности⁷. Объективные ценности, согласно У. Томасу и Ф. Знанецкому, отражаются в установках, понимаемых в качестве присущих индивидуальному сознанию процессов, определяющих реальную или возможную деятельность индивида в социальном мире и потому представляющих собой род неких «индивидуальных двойников» ценностного феномена. Изучение таким образом интерпретированных норм и ценностей представляло значительный практический интерес в плане достижения стабильности капиталистической социальной системы и осуществления социального

с новейшими понятиями культуры или культурных процессов и никто из них не владел современным знанием о роли познания в личностном развитии и в укреплении групповых «норм личности», — пишет социальный антрополог Р. Линтон, *Method and Perspective in Anthropology*, Minneapolis, 1954, pp. 147—148.

⁶ Цит. по указ соч. Г. Беккера и А. Боскова, стр. 113.

⁷ W. Thomas, *On Social Organization and Social Personality*, Chicago, 1966.

контроля и управления. С этой целью были проведены многочисленные исследования степени эффективности средств массовых коммуникаций и, в частности, политологические исследования социологов, изучающих установки избирателей, и пр.

Большое внимание исследованию ценностно-нормативных показателей уделяют Т. Парсонс и другие представители «теории социального действия», рассматривающие действие в соотнесении с определенными общими стандартами¹⁰. Как выразитель более теоретической ориентации Т. Парсонс отмечает, что современное изучение процессов институционализации и интериоризации нормативных элементов в качестве главной задачи управления в социальных системах непосредственно связано с теоретическим наследием М. Вебера и Э. Дюркгейма, а именно с концепцией общезначимых нормативных элементов-убеждений и ценностей у первого и коллективного сознания у второго. Действительно, по примеру М. Вебера современные представители «теории социального действия» рассматривают «осмысленные» формы человеческого поведения и взаимодействия в отрыве от очевидной связи между индивидуально-психическими показателями и целостной объективной структурой общества. Если, однако, М. Вебер делал попытку рассмотреть взаимозависимость религиозно-этических представлений и социально-экономических форм вообще и, в частности, связь протестантской этики с развитием капитализма, то современные буржуазные социологи, сужая горизонты исследовательских задач, предпочитают не преступать границ субъективно-психологической сферы рассматриваемых процессов. К тому же Т. Парсонс и его последователи исходят из идеалистического представления о ценностной ориентации. Значение ценностей-норм фактически гипертрофируется до степени единственного основания той или иной социальной структуры и соответственно начинает играть роль основополагающего принципа социальной типологии, призванной выступать в качестве антипода марксистской теории общественно-экономических формаций. В свою очередь и «возвращение к Э. Дюркгейму», на что указывает У. Колб¹¹, говоря об основных тенденциях в буржуазной социологии, было связано с еще большей переработкой наследия французского социолога в духе социал-психологизма, поскольку Э. Дюркгейм, как известно, выступал как раз против психологического и атомистического подходов и стремился обосновать социальное происхождение моральных ценностей в качестве одной из форм «коллективных представлений»¹².

¹⁰ Подробно о сущности «теории социального действия» см. Н. В. Новиков. Критика современной буржуазной науки о социальном поведении, М., 1966; Д. Я. Алиева, Критика социологической концепции Т. Парсонса (автореферат канд. дисс.), Ташкент, 1964; В. М. Филиппов, Критика методологических основ «теории социального действия» Т. Парсонса (автореферат канд. дисс.), М., 1972.

¹¹ Цит. по указ. соч. Г. Беккера и А. Боскова, стр. 128.

¹² «Не мы являемся творцами наших оценок,— писал Э. Дюркгейм...— люди связаны принудительной силой социального сознания...» (цит. по кн. «Theories of Society», N. Y., 1965, p. 1306).

В новых условиях если некоторые социологи и отмечали существование ценностей, которые не могут быть объектом социальной психологии (например, социальные права или личные свободы, которые могут изучаться социологией как теорией социальной организации), то тут же спешили оговориться, что социальная психология рассматривает установки индивида по отношению ко всем наличным культурным феноменам, тогда как социология может изучать только один тип этих ценностей — «социальные нормы в их отношении к индивидуальным установкам»¹³.

Нельзя не заметить, что энергичное изучение ценностных показателей в современной буржуазной социологии разворачивалось в последнее десятилетие в тесной связи с общим развитием техники и процедур конкретно-социологического анализа¹⁴. Однако проводимые во множестве эмпирические исследования в основном лишь констатировали наличие тех или иных ценностных образцов (стандартов), обходя кардинальную проблему объяснения их генезиса и функционирования. «Как рождаются ценности, остается неясным», — признается Г. Фолдинг¹⁵. И это понятно, поскольку вопрос ставится буржуазными социологами довольно проблематично, в плане общих допущений относительно результатов «динамики коммуникативного взаимодействия». Э. Фэрис и Дж. Г. Мид, разработавшие концептуализацию ценностей в качестве элементов личности, также не решают этой проблемы. Например, Э. Фэрис рассматривает ценности и установки в качестве двух сторон одного целого, из которых ни одна не предшествует другой; кроме того, он не указывает, как справедливо замечает Э. Богардус¹⁶, что же предшествует им обоим.

Методология одностороннего психологического субъективизма объединяет между собой различные исследования по проблематике ценностей — от биоцентрической или психологической интерпретации ценности как любого интереса у Р. Б. Перри¹⁷ до работ школы Т. Парсонса. Более того, именно на этой позитивистской методологической платформе объединяются сторонники изучения ценности с теми, кто придерживается «антиценностной» ориентации. Виднейший представитель этой ориентации Г. Ландберг писал: «В том случае, если оценки и ценности являются эмпирически наблюдаемыми системами поведения, они могут изучаться как таковые с помощью тех же самых общих методов, которые мы используем, изучая любой другой вид поведения»¹⁸. Именно такие мето-

¹³ W. Thomas, указ. соч., стр. 268—269.

¹⁴ Характерным в этом плане является, в частности, исследование Р. Кристи и Р. Мертона, Процедуры социологического изучения ценностного климата мнений в медицинских колледжах („Journal of Medical Education“, XXXIII, oct., 1958).

¹⁵ H. Fallding. A Proposal for the empirical Study of values („American Sociological Review“, v. 30, 1965, № 2).

¹⁶ E. Bogardus, The development of Social Thought, N. Y., 1955, p. 542.

¹⁷ Э. В. Соколов, Основные идеи общей теории ценностей Р. Б. Перри («Проблема ценности в марксистской философии», М., 1966).

¹⁸ G. Landberg, указ. соч., стр. 26.

ды, по существу, характеризуют самые различные современные исследования ценностей, норм и установок в социальной жизни.

Функционирование установочных норм и ценностей не является исключительной областью практического индивидуального (или группового) сознания. Социологические наблюдения выявляют аналогичный процесс и в абстрактно-рефлексивной сфере человеческой деятельности (даже если в данном случае она будет сведена к самому социальному знанию) независимо от того, в какой степени субъекты этой деятельности стремятся сохранить позиции «чистого» сциентизма.

По-видимому, можно согласиться с американским социологом П. Фэрфи, выделяющим три аспекта, в которых социолог может интересоваться ценностями: 1) ценности, избираемые в качестве предмета научного исследования; 2) ценностные положения как постулаты избранной самим ученым социологической системы; 3) исследование ценности самой социологии, «результативности» того или иного ее направления¹⁹. Если первый пункт представлен в современной социологии в основном ценностно-нормативной проблематикой, о которой речь шла выше, то второй и третий охватывают область социологии познания.

Вопрос о соотносительности социального познания с ценностными ориентациями на протяжении всей истории обществознания был связан с направлениями, признающими, защищающими точку зрения специфики социального познания. «Сциентистские» школы и направления (в основном неопозитивистского толка), напротив, отрицая принципиальные различия в методах естествознания и обществоведения, отрицали и значение ценностных соотношений²⁰.

Первый подход, признающий важнейшее значение постижения смысла и значения ценностей, регулирующих человеческие поступки, был воплощен в концепции Впндельбанда, Риккерта и Дильтея, настаивавших на принципиальном разделении наук о культуре и наук о природе. Специфической модификацией этой концепции явилось дальнейшее развитие точки зрения «понимающей» социологии, связанной в первую очередь с именем М. Вебера. Неокантианская аксиологическая концепция становится у Вебера более эмпирической. Культурные ценности-нормы не являются вечными и неизменными, напротив, они субъективны и переменчивы, хотя и могут существовать более обобщенные «генеральные ценности». Здесь налицо, с одной стороны, стремление к эмпирически доступным фактам, с другой — такое «понимание» смысла и значения субъективных намерений, которое не исключает элемента интуиции. Социологическое объяснение по Веберу должно начинаться с характери-

¹⁹ P. Furfey, *Sociological Science and the Problem of values* („Symposium on Sociological Theory“), Evanston, 1959, p. 509.

²⁰ В. С. Швырев, К проблеме специфики социального познания («Вопросы философии», 1972, № 3); его же—Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации в условиях НТР («Философские науки», 1973, № 4); Б. С. Трибулев, Судьбы так называемого «сциентизма» в новейшей американской социальной философии (там же).

ки мотивов действующих агентов (как комплексов субъективных намерений) и заканчиваться эмпирической демонстрацией, доказывающей действие именно этих мотивов. Таким образом, если современная социология в исследовании установок и ценностей центр тяжести переносит в область эмпирического исследования, то у Вебера проблема ставилась не альтернативно, а в качестве компромисса «понимания» и эмпирического обоснования.

«Самые элементарные факты в социальной сфере превосходят в сложности чисто формальные отношения, и они могут быть поняты только в связи с содержанием и смыслом», — писал впоследствии вслед за Вебером К. Маннгейм²¹. Развивая эту мысль, К. Маннгейм провозгласил важнейшей задачей эпистемологии выявление многообразных отношений между «бытием» и «значением». Иначе говоря, верно уловив сложность и специфику социальных феноменов и их объяснения, Вебер и его последователи вместе с тем, по существу, отказались от изучения объективного социального процесса, сведя этот процесс к индивидуальному действию.

Суждения факта и ценностные суждения в их взаимоотношении — наиболее противоречивый момент в концепции Вебера, породивший множество спорных интерпретаций. В самом деле, если науки о культуре не могут иметь теорию, подобную теориям физики или химии, из которой они могли бы выводить свои гипотезы, то, по Веберу, они все же должны выводить ее из чего-то еще. Этот источник сам Вебер в конце концов усматривает в критерии «культурной значимости» и «культурно-ценностных идей». Естественно, что представление об обществе как о человеческом взаимодействии и науке об обществе как понимании этого взаимодействия, противоречивое сочетание методологического индивидуализма и номинализма с концепцией «понимающей» социологии послужили причиной множества взаимоисключающих оценок веберовской концепции. Не случайно он был подвергнут перекрестной критике двух противоположных тенденций: позитивисты упрекали Вебера за сходство с Дильтейем, а идеалисты — за натурализацию феноменологии. Хотя Вебер полагал, что ценности, которым следуют социологи, в определенном смысле подсказывают не только объекты исследования, но и термины формулирования гипотез, он не считал вместе с тем, что истинность или ложность научных гипотез также каким-то образом определяется этими ценностями. Итак, с одной стороны, налицо изучение поведения и действия с точки зрения смысла и значения через понимание (которое, по существу, невозможно без оценки), признание того, что одни способы, подходы и методы изучения общества могут быть более предпочтительны, нежели другие. С другой стороны, с именем М. Вебера связан тезис о внеценностной социологии. Именно М. Вебер в значительной степени рассматривается в качестве духовного отца тех направлений от Парсонса до Ландберга, которые, как пишет Э. Голднер, выступают под лозунгом «не сотвори оценочного суждения».

²¹ „Theories of Society“, p. 1075

Считая, что наука должна стремиться к свободе от ценностных суждений, Вебер имел в виду не столько отсутствие установок у исследователя, сколько ратовал за отделение теоретического знания от практическо-политической деятельности.

Веберовские усилия разрешить антиномию ценностных суждений и суждений факта, определить их статус в социологической науке не привели к удовлетворительному результату. То обстоятельство, что сам Вебер не видел возможности решения этого конфликта в одной плоскости, дало Э. Голднеру основание сказать, что дуалистическая импликация данной проблемы у Вебера подобна средневековой теории «двойственной истины», а его концепция — минотавру, символизирующему миф о «внеценностной социологии». Ценностно-свободная социология — это не что иное, как отражение общей, характерной для западной традиции коллизии между «разумом и верой, знанием и чувствованием, классицизмом и романтизмом, головой и сердцем»²². Голднер, не без оснований, считает также, что Вебер имел в виду в основном свободу от политических ценностей, а провозглашая нейтральность социологии, преследовал субъективные цели, пытаясь одновременно сохранить университетскую автономию от политической и государственной цензуры. В этом смысле взгляды Вебера едва ли полностью идентичны современным сторонникам «внеценностного» сциентизма и «деидеологизации».

Особое место в современной буржуазной социологии занимает «интегралистская» концепция П. Сорокина, выступавшего с претензией преодолеть недостатки как позитивистского эмпиризма, так и «теории социального действия». Работы П. Сорокина действительно представляли собой своеобразную попытку «привить к стволу социологического натурализма Конта и Спенсера иррационалистический дичок философии ценностей»²³.

Ценностной интерпретации отводится у него роль наиболее плодотворного методологического принципа. Ценности, понимаемые как своеобразный синтез веры, разума и чувств, могут быть, как он полагает, объединены в три важнейшие суперсистемы²⁴.

Господство того или иного типа соответственно предопределяет в данной системе культуры преобладание религиозной, философской или научной мысли.

На основе своей классификации П. Сорокин провел огромное эмпирическое исследование флуктуаций различных систем истин (носящих, по его мнению, циклический характер) в изменяющиеся исторические

²² „The New Sociology“, N. Y., 1964, pp. 196—217.

²³ И. А. Голосенко, Философия истории П. Сорокина («Вопросы истории», 1966, № 4).

²⁴ В зависимости от доминирующего типа ценностей П. Сорокиным выделяется три типа истины и культуры: 1) идеациональная (умозрительная), основанная на истине веры; 2) идеалистическая, основанная на истине разума; 3) сенситивная (чувственная), основанная на истине чувств (P. Sorokin, Social and Cultural Dynamics, N. Y., 1937, v. 2, p. 242).

эпохи. Отвлеченные, казалось бы, построения в конечном итоге оказывались, однако, основанием для реакционных политических выводов²⁵.

Следует добавить, что типология П. Сорокина оценивалась западными социологами довольно противоречиво. Хотя иные считают возможным именовать вклад этого социолога в теорию ценностей «коперниковской революцией»²⁶, тем не менее значение его работ определялось скорее всего просто тем, что они послужили еще одним действенным стимулом в привлечении внимания социологов к роли ценностей в культуре. Ведь на самом деле предложенная им классификация, идеалистическая и абстрактная по своей сущности, не могла рассматриваться в качестве существенного реального вклада в современное социальное познание. Это признает, например, и Р. Мертон, отметивший, что сорокинская классификация типов культуры в целом основана «на общей характеристике культуры, но не на анализе связи между различными экзистенциальными условиями и мыслью в обществе»²⁷.

Согласно точке зрения сторонников ценностной ориентации, ценности скрыто или явно присутствуют в любом социологическом исследовании, ибо по своему характеру современная наука — это эмоционально окрашенный комплекс ценностей и норм, которые объединяют людей науки, будучи интернализированы ими. Именно эти ценности определяют «моральное единство ученых и механизм социального контроля за их деятельностью». Таково убеждение Р. Мертона²⁸. Его единомышленники полагают, что в мире науки нет такой вещи, как «чистая» любознательность; необходимыми признаками квалифицированного ученого являются не только и не столько утонченная техника наблюдения, анализа и контроля, сколько способность отличать «значительные» проблемы от «незначительных». Эту операцию можно производить с помощью тех же ценностей, которые «всегда присутствуют в первоначальном выборе проблемы»²⁹. В конечном итоге именно от ценностных суждений социологов зависит характер тех фрагментарных картин, которые удается набросать в результате исследования³⁰. По мнению П. Фэрфи, задача, по-видимому, заключается в том, чтобы сделать ценности предметом действительного научного анализа, чтобы ценностные суждения, осознанные на основе определенных принципов, из имплицитных превратились «в эксплицитные ценностные утверждения»³¹. Такая точка зрения контрасти-

²⁵ Л. Е. Хоруж, Социология познания как инструмент идеологической борьбы («Исторический материализм как теория социального познания и деятельности», М., 1972, стр. 229).

²⁶ F. C o w e l l, Values in Human Society, Boston, 1970, p. 46; «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1971, № 5.

²⁷ R. M e r t o n, Social Theory and Social Structure. The Free Press, Illinois, 1957. p. 467.

²⁸ «Sociology of Science», Middlsex, 1972, p. 67; «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1973, № 1.

²⁹ R. L y n d, Knowledge for what?, Princeton, 1945, p. 184.

³⁰ «Symposium on the Sociological Theory», p. 512.

³¹ Там же, стр. 528.

рует с тем, что можно найти, например, у Ф. Знанецкого, занимавшего отрицательную позицию по отношению к «эпистемологическим и метафизическим спекуляциям». Ф. Знанецкий сознательно ограничивает себя развитием типологии различных специфических социальных ролей, исследованием нормативных образцов как стандартов этого поведения, а отдельные сегменты (или группы), к изучению которых обычно обращается исследователь, определяет понятием «социального круга», указывая тем самым на их локальный и узкий характер. Как бы то ни было, исследования Знанецкого фактически не о социологии знания; они скорее посвящены носителям знания, тем, кто осуществляет функцию разработки, сохранения и передачи этих знаний. В. Старк полагает, например, что Знанецкий в итоге останавливается там, откуда следовало бы начать. И действительно, в рамках современной буржуазной социологии познания значительную долю образует та ее часть, которая названа тем же В. Старком «микросоциологией знания»³². Соответственно и социологию ценностей можно было бы назвать в этом ее плане «микросоциологией ценностей». Объектом соотнесения в социологии такого рода является, как правило, не социальная жизнь в целом, а в лучшем случае система институтов и организаций, в которых возникает профессиональное знание и которыми оно администрируется. При этом, если одни социологи предпочитают исследовать сферу микросоциологии социального познания, оставляя открытым вопрос о значении ценностей общесоциологического «макрокосма», то другие, исследуя ту же сферу, начисто отрицают возможность существования макросоциологии познания. К последней точке зрения примыкает Ж. Крафт. Однако и Ж. Крафт, и другие сторонники этой точки зрения в свою очередь допускают наличие социологии организации знания (т. е. опять-таки микросоциологии познания) в качестве прикладной социологии. Пути, казалось бы, приводят вновь на позицию Ф. Знанецкого, различающего «внешние» и «внутренние» системы человеческих групп, но, по существу, исследующего лишь «внутреннюю» структуру профессионально-организационных систем при полном игнорировании «внешней» макросоциологической детерминанты. Нельзя сказать, что исследования определенных факторов в микросоциологическом аспекте не представляют интереса, однако коэффициент этих исследований был бы несравненно выше, если бы при этом не игнорировалась и общая интеллектуальная атмосфера данного общества, и таким образом, микросоциология оказалась бы заключенной в более широкие, макросоциологические рамки.

Итак, несмотря на то, что область социологии познания принято рассматривать как преимущественно ориентированную на классические традиции теоретических европейских школ, в ней также возникла сфера «микросоциологических» исследований, соответствующих развитой стадии позитивистской ориентации в современной социологии. Вопрос об идеологических или политических ценностях составляет часть общей про-

³² W. Stark, *The Sociology of Knowledge*, London, 1958, pp. 19—20.

блематики ценностей в научном познании. Влияние доминирующих ценностей общества носит более сложный характер, проявляясь и внутри самого методологического аппарата научного мышления, в воздействии на всю его познавательную («ноологическую», как писал К. Маннгейм) плоскость. Выражение действительных идеологических интересов на самом деле нередко носит весьма опосредованный и неявный характер. Однако, как признает П. Фэрфи, хотя ученый может считать, что его труды просто отражают объективную реальность и что его методы не оставляют простора для предубеждений, тем не менее «всепроникающий эффект климата мнений» может определять его работу больше, чем он предполагает. На фоне коллизий, имманентно определяющих попытки буржуазных социологов утвердить ту или иную концепцию ценности, особенно выделяется та большая работа против изоляции социальных наук от философии ценностей, которая была проведена прогрессивным американским социологом Р. Миллсом. Изучение постановки этого вопроса у Миллса — самостоятельная и безусловно интересная задача исследователей современных американских социологических течений³³.

Однако взгляды Р. Миллса на данную проблему составляют всего лишь определенное исключение в общей системе современной западной социологии. Исследования ценностей, проводимые обычно с позиций ограниченного методологического субъективизма и психологизма, как в плане изучения личностных и групповых установок, так и в области ценностных ориентаций научного познания не могут служить адекватным выражением действительного положения вещей. Даже в тех случаях, когда речь идет о детерминации ценностных установок со стороны общества, последнее понимается крайне узко, в качестве некоторой референтной группы или непосредственного окружения, соотнесение с социальной структурой производится только на весьма ограниченном уровне абстракции. Таким образом, закрепляется метафизический разрыв между социальным и индивидуальным, столь характерный для социологии неопозитивистской ориентации вообще. Между тем научное объяснение генезиса и функционирования ценностей в обществе и в общественном сознании, несомненно, требует не только соотнесения с желаниями, потребностями и интересами индивидов или групп, но также учета того условия, чтобы само объяснение связывалось с общим развитием общественно-исторической практики в целом, с пониманием формирования ценностей в результате действия более широкого социального базиса, объективных законов и отношений, выходящих за пределы как психологического, так и социально-психологического анализа человеческого познания и деятельности. Приведенный выше материал свидетельствует о тщетности попыток разрешить проблему в стороне от факторов, играющих роль социальных детерминант, от результирующих положений научного знания. Именно ценности определяют выбор и оценку социологом познаватель-

³³ О взглядах Р. Миллса на проблему ценности в связи с социальной наукой см. A. Edel, *Social Science and value* („The New Sociology“, N. Y., 1964).

ных средств и операций, онтологическую основу которых составляет объективная связь и обусловленность в рамках исследуемого общества или «социального поля».

Разговор о ценностях у современных неопозитивистов — это разговор о системе средств, операций, познавательном инструментарии, и — в более широком плане — об оптимизации методологических принципов анализа и систематизации социологического знания, характеристика которого дается, однако, с позиций метафизического противопоставления или абсолютизации отдельных способов, операций или даже приемов мышления, что в конечном счете заостряет проблему выбора сциентистского или антисциентистского подходов. И хотя сциентизм в целом праз в своем признании нормативного характера социального мышления, он, однако, всячески ограничивает сферу теоретического сознания, принижая роль и значение мировоззренческих проблем. Противоположная тенденция переносит совокупность вопросов из теоретической сферы в ценностную, но это, как можно видеть, лишает социологию твердой научной основы, растворяя ее в надуманных спекуляциях, из которых нередко делаются и реакционные политические выводы.

Вместе с тем теоретические и методологические принципы исторического материализма относительно социальной детерминации ценностей не должны истолковываться с позиций вульгарного социологизирования³⁴. Но в то же время нельзя забывать и о том, что в сфере духовных и социально-политических ценностей определяющим является их социальный генезис, более того, ценности такого рода не могут быть поняты и объяснены, если игнорируется их классовый и партийный характер, особенно, если речь идет о самой социальной науке. Естественно, что в этом случае наиболее объективным и истинным может явиться знание, ориентированное на ценности восходящих, прогрессивных классов общества. С другой стороны, необходимо тщательное исследование путей, на которых происходит переплетение познания и оценки, объединение ценностного и научного. Как правильно замечает И. С. Нарский, «присущие ценностным оценкам нормативные обертоны, даже если первые носят реакционный характер, не могут формироваться помимо некоторых знаний о действительности. Тем более — если речь идет об оценках, делаемых с прогрессивных позиций»³⁵. Теория исторического материализма с самого своего возникновения означала отрицание тотально-спекулятивной интерпретации общественно-исторического процесса, противопоставленной конкретно-научному исследованию социального знания. Не альтернатива «сциентистского» — «оценочного» подхода, а единство научного и ценностного феноменов и мера этого единства в получении объективного социального знания могут и должны служить действительно плодотворно работающим принципом в исследовании назревших проблем.

³⁴ На это справедливо указывает В. П. Тугаринов, указ. соч., стр. 54—62.

³⁵ И. С. Нарский, указ. соч., стр. 220.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԲՈՒՐԺՈՒԱԿԱՆ ՄՈՑԻՈՂՈՒԹՅԱՅՈՒՄ ԱՐԺԵՔԱՅԻՆ
ՊՐՈՐԼԵՄԱՏՈՒԿԱՅԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Ս. Դ. ԱՂԱՀՎԵՐԴՅԱՆ

Ա մ փ ա փ ու մ

Արժեքի հասկացութիւնն իր սոցիոլոգիական առումով առավել քիչ է ուսումնասիրված: Ժամանակակից սոցիոլոգիայում այն քննվում է անհասարակ զիրքորոշումների ու նորմաների և գիտական հետազոտութիւնների ոլորտում արժեքային կողմնորոշումների պլանով: Այն հետազոտութիւնները, որոնք կատարվում են մեթոդաբանական սուբյեկտիվիզմի ու ասիխոլոգիզմի զիրքերից, չեն կարող բացահայտել իսկական իրավիճակը, նույնիսկ այն դեպքերում, երբ խոսքը արժեքային կողմնորոշումների հասարակական պայմանավորվածութեան մասին է. հասարակութիւնն հասկացութիւնն ըմբռնվում է խիստ նեղ, իսկ հարաբերակցումը սոցիալական կառուցվածքի հետ կատարվում է սահմանափակ վերացարկմամբ: Այդպիսով, ամրապնդվում է սոցիալականի և անհատականի մետաֆիզիկական խզումը, որն ընդհանրապես ընորոշ է նեոպոզիտիվիստական սոցիոլոգիայի համար: Արժեքների պրոբլեմը գիտական ճանաչողութեան բնագավառում իր արտահայտութիւնն է գանում սցիենտիզմի և հակասցիենտիզմի հակադրութեան մեջ: Սակայն ոչ թե սցիենտիստական կամ զնահատային մոտեցումների երկրնարանքը, այլ օրյեկաիվ սոցիալական գիտելիքի ստացման մեջ գիտական և արժեքային ֆենոմենների միասնութիւնն է. որ կարող է արդյունավետ աշխատող սկզբունք ծառայել որպէս պրոբլեմների հետազոտութեան մեջ: